

ЛЕТО

ШМАКОВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

Александр Шмаков

Лето

«Автор»

2026

Шмаков А. Н.

Лето / А. Н. Шмаков — «Автор», 2026

Четыре мира. Четыре судьбы. Джеймс Андерсон просто берёт отпуск и едет к больной тёте. Потому что живёт в мире, где выбор принадлежит ему. Свободный, естественный, человеческий. Хуан Ривера тоже делает выбор — но его мир всё время подкидывает обстоятельства: протез вместо ноги, работа, где за пропущенный день нужно платить. Он выбирает подчиняться. Мехмет Йылмаз живёт в мире инструкций. Здесь выбор возможен только из утверждённого списка. Тётя не входит в список близких родственников. Исключения есть, но воспользоваться ими нельзя. Его выбор ограничен тем, что разрешено. Леонид вообще не выбирает. За него и за всех решает Господин Олонтир. Поездка к тёте признана нецелесообразной. Вместо неё — компенсационное мероприятие «Близость» с незнакомой женщиной, подобранной алгоритмом. Одно лето. Четыре попытки быть человеком. И вопрос, который остаётся без инструкции: что важнее — система или жизнь? Роман о том, как мы выбираем. И о том, выбираем ли мы на самом деле.

© Шмаков А. Н., 2026

© Автор, 2026

Александр Шмаков

Лето

Лето: раз, два, три, и... прости, Господи, четыре.

24 мая. Раз.

Утро в этот день началось спокойно, без ощущения начала чего-то особенного, хотя по календарю уже почти подходил конец мая и в воздухе всё чаще появлялась та прозрачность, которая бывает перед настоящим летом. За окном было светло, но ещё не жарко, и редкие звуки улицы входили в квартиру мягко: короткий проезд машины, шаги на лестнице, негромкий разговор во дворе.

Джеймс Андерсон проснулся раньше будильника и некоторое время лежал, не открывая глаз полностью, слушая, как в квартире уже нет привычного раннего движения Хелен. Вспомнил, как засыпал в объятиях уже спящей, но улыбающейся во сне жены. Она ушла раньше, как это иногда бывало, по своим утренним делам, не нарушая их домашнего порядка и не объясняя лишнего. В кухне после неё осталось ощущение свежего воздуха от чуть приоткрытого окна.

Оставаясь наедине с начавшимся днём, он всё яснее понимал, что решение, о котором думал последние дни, больше откладывать нельзя. Ему нужно было взять отпуск и поехать к тёте, той самой, которая когда-то вырастила его в детстве, когда родители были постоянно заняты работой. А сейчас их уже нет. У него только тётя. Она жила в деревне, редко просила о помощи напрямую, и именно поэтому её недавний короткий звонок звучал особенно ясно: помощь требовалась сейчас, без переноса на потом.

Позже, когда Джеймс уже был на кухне, на столе лежал оставленный Хелен хлеб тёплый, с хрустящей корочкой, тот самый, который она покупала утром по дороге после пробежки, когда город ещё не набрал дневного ритма. Это было привычно: Хелен иногда уходила на работу так, что её уже не было дома, но след её утреннего пути оставался в мелочах, в вещах, в том, как устроен стол к завтраку.

Дети поднялись почти одновременно. Сын вышел с книгой в руках и некоторое время стоял в дверях, не закрывая книгу до конца, как будто не хотел окончательно расставаться с тем, что читал ещё перед сном. Дочь Мэри появилась следом и, не говоря сразу ничего, просто посмотрела на кухню, оценивая, сколько времени осталось до выхода.

- Сегодня что-то важное? - спросил Джеймс, наливая чай.

- Нет, обычный день, - ответила Мэри.

- Тогда он и есть важный, - заметил он спокойно.

Она не стала спорить.

Завтрак шёл своим привычным порядком. Говорили о школе, о том, что сыну нужно не забыть тетрадь, о том, что после уроков Мэри собирается зайти посмотреть на крольчат в живом уголке. Иногда возникали короткие разговоры о мелочах: сколько мёда положить в чай или кто сегодня забудет выключить свет в коридоре, но они не задерживались и не превращались в споры, потому что в этом доме споры редко задерживались надолго.

Вышел на работу чуть раньше детей, закрыл дверь, спустился по лестнице во двор, где утро уже набрало свою обычную плотность: некоторые дети уже шли в школу, кто-то выгуливал собаку, у кофейни только открывали дверь и ставили на улицу доску с меню, написанным мелом.

По дороге к автобусу встретил соседа Николаса Петерсона, случайно, как это бывает в одно и то же время без всякой договорённости. Они поздоровались и пошли к остановке привычным путём: мимо детской площадки, мимо кофейни, мимо старой рябины. Разговор был отрывистым и не складывался в отдельную тему: о погоде, о закончившемся неинтересном хоккейном чемпионате, о том, что день будет тёплым, хотя к вечеру, возможно, снова потянет прохладой.

Автобус пришёл почти сразу. Внутри было ещё совсем мало народу. Кто-то смотрел в телефон, кто-то просто наблюдал за дорогой.

Автобус двигался размеренно, за окном постепенно менялся пейзаж, становясь более строгим и собранным. Джеймс смотрел вперёд спокойно, как человек, для которого этот маршрут давно стал частью привычного течения жизни.

У проходной всё было как обычно: проверка пропусков, короткие кивки, знакомые лица. Внутри инженерного корпуса уже начинался рабочий день, негромкий, размеренный, без резких движений. Джеймс Андерсон поднялся на свой этаж и, поставив сумку у рабочего стола, некоторое время просто стоял, прежде чем направиться к кабинету начальника, который всегда приходил раньше всех.

Александр Петерсон, хоть и был чем-то занят, принял его сразу, не откладывая разговора. Джеймс коротко и спокойно попросил об отпуске. Он не углублялся в детали, но было понятно, что речь идёт о важной для него поездке к тёте, которой нужна помощь.

Петерсон выслушал без лишних вопросов, уточнил только, как будет закрыт его участок работы, и, услышав, что задачи временно берёт на себя Николас Смит, коротко кивнул.

Джеймс вышел из кабинета, и коридор снова принял его обычный рабочий ритм, в котором день уже двигался дальше без пауз. Ближе к концу рабочего дня Петерсон вызвал его ещё раз, не для уточнений по отпуску, а скорее для того, чтобы закрыть оставшиеся рабочие вопросы и убедиться, что работа продолжается без разрывов. Разговор был коротким, деловым, без лишних формальностей. В какой-то момент Петерсон только спросил, не нужно ли что-то дополнительно согласовать на случай непредвиденных ситуаций, и, услышав отрицательный ответ, кивнул так же спокойно, как и утром.

- Тогда всё, - сказал он, возвращаясь к документам. - Отдыхайте спокойно. Здесь всё подхватят.

Джеймс кивнул и вышел.

Вечером, когда рабочий день уже подходил к концу, он закрыл несколько незавершённых файлов и направился домой, в обычный вечер. У проходной воздух уже был теплее, чем утром, и город выглядел иначе: мягче, без утренней собранности.

Он остановился на мгновение перед тем, как пойти к остановке, и впервые за день почувствовал, что ритм изменился окончательно: завтрашний день уже не принадлежал работе.

24 мая. Два.

Утро пришло в дом Хуана Риверы без той ясности, которая обычно делает день простым и понятным. Он проснулся раньше обычного, не от будильника, а от тишины, в которой было что-то настороженное, будто дом не до конца решил, просыпаться ему или оставаться в ночи.

Мария не вставала. Она лежала, отвернувшись к стене, и на его короткое «доброе утро» не ответила сразу, как отвечала обычно. Пристегнул протез, прихрамывая прошёл на кухню, подумал, что завтрака, конечно, нет. Включил свет, тараканы бросились врассыпную, мухи зажужжали. Впрочем, сегодня их было меньше, и они были ленивее обычного. Жарко. Раковина была заполнена вчерашней грязной посудой, вода в кране текла с перебоями, а холодильник открывался с тем пустым звуком, который особенно заметен утром, когда человек рассчитывает на изобилие, а находит только остатки: внутри почти ничего не было, только кусок сыра, подсохший по краям, и несколько случайных открытых банок, из содержимого которых завтрак не получался.

На столе лежал сложенный лист. Телеграмму, видимо, принесли вчера поздно вечером. Мария не разбудила, наверное, посчитала её неважной. Он развернул телеграмму не сразу, сначала просто подержал в руках. Текст был короткий и сухой: тётя из деревни, та самая, что когда-то воспитывала его, писала о болезни и просила приехать. Без объяснений, без подробностей, только необходимость присутствия, оформленная в несколько строк. Он прочитал ещё раз и положил лист обратно на стол, не принимая решения сразу, как будто само решение ещё не успело догнать факт.

Заварил чай из пакетика. Без сахара. Хлеб для бутерброда был чёрствый, как и сыр.

Проснулись дети. Собирались в школу лениво, медленно и с явным сопротивлением, как будто само утро уже не содержало в себе смысла продолжать привычный порядок. Сын говорил, что «там всё одно и то же», и что некоторые уроки можно было бы просто убрать, а учителя дебилы. Дочь молчала дольше, а потом заметила, что учителя «сами не слушают», и поэтому слушать тоже становится трудно.

Отправился на работу. Когда вышел на улицу, город уже двигался в своём обычном утреннем потоке, но в этом движении чувствовалась какая-то скрытая нервность. Не в людях, а в самом воздухе, который будто не обещал ничего устойчивого.

В автобусе стоял у окна. Рядом люди переговаривались, кто-то смотрел в телефон, кто-то просто наблюдал дорогу, и всё это казалось привычным, пока за очередным поворотом улицы не возникло то, что последнее время уже встречалось всё чаще.

У тротуара возле остановки, несколько мужчин в одинаковой зелёной форме без опознавательных знаков тащили молодого парня к своей машине. Движения их были точными и быстрыми, не оставлявшими пространства для объяснений. Парень сопротивлялся, пыхтел, голос его прорывался сквозь шум улицы, и в этих криках было одно повторяющееся слово: жалобная мольба, обращённая ко всем сразу и ни к кому конкретно.

Вокруг собрались люди, почти одни женщины. Они кричали, кто-то ругался, кто-то пытался подойти ближе, но всё это распадалось на отдельные вспышки, не складываясь воедино. Одна, очень молодая женщина, уцепилась за ногу парня обеими руками, не отпустила, пока его не потащили дальше, и её движение по асфальту казалось почти бессмысленным в своей настойчивости, как попытка удержать то, что уже уходит.

Невдалеке стояла девочка. Маленькая, неподвижная, с глазами, в которых не было ни слёз, ни понимания, только плотный, застывший страх. В руках она держала куклу, перевёрнутую вниз головой, зажимая её двумя ручками за одну ножку так крепко, будто это единственное, что оставалось под контролем в этом утреннем мире.

Автобус не остановился. Он проехал дальше, и сцена осталась позади, не исчезнув, а просто отступив в зеркало заднего вида, как что-то, что уже произошло и не требует подтверждения.

Хуан смотрел вперёд, но взгляд его на несколько секунд задержался где-то внутри себя, где такие сцены уже не имеют значения, а только следы ещё оставляют.

Вдалеке, над линией крыш, поднимался чёрный дым, густой и медленный, как будто сам воздух где-то в городе решил стать тяжелее и темнее, чем был накануне. И день продолжился.

Проходная была узкой, с металлическими рамками и исцарапанным стеклом, через которое всё казалось чуть блеклым и отсечённым от улицы. Люди входили молча, показывали пропуска, и охрана так же молча кивала, не задерживая взгляд дольше необходимого. Очередь двигалась медленно, без разговоров, и в этой тишине было не спокойствие, а скорее привычка не расходовать голос без нужды.

Хуан прошёл через проходную и поднялся в здание, где коридоры уже начинали наполняться тем же ровным, безличным движением, которое не обещало ни начала, ни конца дня.

Его рабочее место находилось во втором отделе колл-центра. Он сел в свою защищенную от посторонних звуков кабинку, надел наушники и некоторое время просто ждал, глядя перед собой. Первый отдел, расположенный рядом, работал почти всегда чётче, там в основном были женщины, и оттуда ему приходили звонки и клиенты, уже частично «обработанные», с заранее заданным направлением.

Их задача во втором отделе была простой и странной одновременно: по сценарию, но с творческими отклонениями, довести разговор до состояния, в котором клиент начинал терять уверенность, и затем передать его дальше, в третий отдел. Между собой они его называли «погоны», не произнося это вслух при посторонних.

Пока звонков не было. Тишина в наушниках становилась почти ощутимой, как давление. Он встал и пошёл к начальнику, поговорить о телеграмме и однодневном отпуске.

Кабинет был закрыт. Сказали, что он не пришёл ещё. Так бывало часто. Начальник, Рафаэль Мендоса, появлялся всегда позже всех, иногда к середине дня, а иногда не появлялся вовсе. В такие дни работа текла легче, словно воздух в помещении становился менее плотным: не было резких указаний, замечаний, внезапных проверок, угроз, криков через стекло кабинок и тех коротких фраз, после которых день становился тяжелее самого себя.

Позже через стекло своей кабинки он случайно увидел, что Мендоса прошёл по коридору. Хуан хотел зайти к нему, но у двери кабинета начальника его остановила секретарша. Она, была красавица, но работала плохо. Даже не подняла глаз сразу, а потом, взяв телеграмму со стола, быстро пробежала её взглядом и сказала, что доложит.

Прошло некоторое время. Затем его вызвали. Кабинет был прохладный, с закрытыми жалюзи. Рафаэль Мендоса, грузный, толстый, с красным лицом сидел за столом, не вставая. Он посмотрел на Хуана так, как смотрят на вещь, которая залежалась на месте дольше, чем предполагалось. Слушал его с таким выражением лица, как будто съел что-то тухлое.

- Таких, как ты, - сказал он спокойно, без повышения голоса, - у меня здесь пруд пруди. Найти замену не проблема.

Он сделал короткую паузу, словно проверяя, дошло ли сказанное до адресата.

- Но на один день я могу тебя отпустить, - продолжил он. - За свой счёт. И ты ещё добавь мне лично двойную сумму за этот пропущенный день.

Хуан работал тут не так давно, не знал здешних обычаев. Слова звучали не как угроза и не как просьба, а как заранее установленный порядок вещей, который просто озвучили вслух.

Хуан не стал спорить. Некоторое время он смотрел в сторону стола, где лежали бумаги, потом коротко кивнул и вышел из кабинета. Коридор показался ему длиннее, чем был на самом деле. В нём не было ничего нового, только то же ровное движение людей, которые не задерживались ни на одном месте дольше, чем требовалось.

24 мая. Три.

Понедельник. Мехмет Йылмаз проснулся без будильника. Телефон проснулся раньше. На экране было сообщение от тёти: «Мехмет, врачи говорят, что ещё полежу. Если сможешь — приезжай. Одной трудно.»

Он перечитал его и положил телефон. Жена Айше в кровати уже листала новости на телефоне. Вчера вечером, когда он полный сил после выходных, попробовал пристать к ней, она, как всегда, ответила, что по вторникам и пятницам, не по воскресеньям.

- Тётя пишет. Просит приехать.
- Посмотри сначала, когда тебе положен отпуск.
- Она меня вырастила.
- Это важно для тебя. Надо выяснить, важно ли это для системы.

Она уже открывала приложение государственной кадровой службы. Из детской вышел сын с планшетом.

- Папа, подпиши согласие.

На экране тянулся длинный документ. Внизу были четыре кнопки: «Согласен», «Не согласен», «Не могу принять решение» и «Подтвердить ознакомление».

- А поговорить с учителем можно?

Эмир удивился.

- Зачем? Тут такого пункта нет.

Следом вошла дочь с таким же планшетом и почти таким же документом.

- Почему подписывать два раза? - спросил Мехмет.
- Потому что нас двое, - серьёзно ответила Элиф.

Это оказалось самым понятным предложением за всё утро.

Позавтракал тем, что было положено по понедельникам, сел в машину, поехал на работу.

В конторе Мехмет приложил пропуск к панелям управления турникетом, потом лифтом, потом дверью отдела, ввёл пароль, подтвердил пароль телефоном. Он работал на элитном 12 этаже. Это был последний этаж, где открывались окна и можно было впустить свежий воздух с улицы. На верхних этажах дышать можно было только из системы вентиляции. Мехмет включил компьютер и тот разрешил ему приступить к работе.

Первая заявка уже ждала. Робот разговаривал с заявителем двадцать три минуты и, по требованию заявителя, передал разговор ему, оператору.

- Доброе утро, меня зовут Мехмет.
- Слава Богу! Наконец-то человек!

Мехмет машинально посмотрел на экран. Инструкция рекомендовала не поддерживать разговоры на темы, не относящиеся к предмету обращения.

- Чем могу помочь?
- Робот отказал мне в пособии, потому что мы с матерью живём в разных квартирах.

Мехмет быстро вывел на экран нужную инструкцию и бланк опроса, заполненный роботом.

- Всё верно. Совместное проживание отсутствует.
- Но она живёт совсем рядом, и я каждый день ухаживаю за ней.
- Это не оспаривается.
- Тогда почему отказ?
- Потому что уход подтверждается совместным проживанием.
- Но ведь это разные вещи.

Мехмет честно кивнул, хоть клиент этого и не мог видеть, но ответил: «В жизни - разные. В инструкции - одна графа.»

- Что же, помочь нельзя?
- Можно только объяснить причину отказа.
- А изменить решение?
- Это не входит в мои полномочия.

Клиент бросил трубку. Первый разговор закончился. На экране появилась надпись: «Обращение успешно обработано.»

Мехмет посмотрел на неё, потом вспомнил о сообщении тётки и открыл календарь своего отдела. Ближайшее время для личного приёма начальника было только шестого июня. Тётя просила приехать сейчас. Он всё же подошёл к кабинету начальника. Мурат Акын сидел за стеклянной перегородкой.

- Добрый день.
- Записывались на это время?
- Нет. Это срочно.

Мурат повернул к нему табличку: «Приём сотрудников осуществляется по предварительной записи.»

- Но вы же сейчас свободны.
- Сейчас у меня окно между совещаниями. Если поговорим, система не регистрирует приём.

- Но мы же говорим.
- Да.
- Тогда в чём разница?
- В статистике.

Мурат всё-таки спросил:

- Что случилось?
 - Заболела тётя. Она меня вырастила. Хотел бы взять один день отпуска, навестить её.
- Начальник открыл кадровую программу.
- Степень родства?
 - Двоюродная тётя.

Компьютер сразу вывел красное окно: «Не относится к категории близких родственников.»

- Она фактически была мне матерью!

Мурат добросовестно искал нужный пункт. В поисковой строке появились слова: «воспитывала», потом «воспитание родственником». Оба раза компьютер ответил одинаково: «Ничего не найдено.»

- Странно, - сказал Мурат. - Такого случая нет.
- В жизни есть.
- В документах нет.

Он открыл приложение со списком родственников. Родители были. Дети были. Супруги были. Двоюродной тёти не было.

- Значит, отпуска не будет?
- Пока не вижу основания.

Мурат посмотрел на немного взволнованного Мехмета, потом ещё раз на экран.

- Подождите... Может быть, есть исключение.

Он вывел на экран внутренний справочник, нашёл раздел «Исключительные случаи» и заметно оживился.

- Есть.

Мехмет подошёл ближе, посмотрел на экран компьютера начальника. Под заголовком стояла одна строка: «Порядок применения настоящего раздела определяется отдельным нормативным актом.» Мурат быстро нашёл этот акт. Компьютер сообщил: «Документ утратил

силу.» Новый документ существовал. В нём говорилось, что прежний порядок отменён, а новый будет утверждён позднее.

- Тогда, исключения есть? - спросил Мехмет.

- Есть.

- Ну?

- А воспользоваться ими пока нельзя.

- Почему?

- Порядок ещё не утверждён.

На всякий случай Мурат позвонил в юридический отдел. Разговор оказался коротким. Он всё время кивал. Положив трубку, сказал:

- Подтвердили.

- Что именно?

- Что Ваше исключение существует, но применить его невозможно до утверждения порядка применения исключений.

- Кто утверждает порядок?

- Министерство.

- Можно им позвонить?

- Можно. Они объяснят, что применение нормативных актов относится к нашей компетенции.

- А вы?

- Мы объясним, что порядок применения ещё не утверждён.

Мехмет немного помолчал.

- Получается, все действуют правильно?

- Именно так.

- А вопрос решить нельзя?

- Пока нельзя.

- Почему?

Мурат улыбнулся почти виновато: «Потому что вопрос появился раньше документа. Надо ждать, когда жизнь догонит нормативную базу. Или нормативная база догонит жизнь. Тут мнения расходятся.»

- Тогда, отпуска не будет.

Мурат снова открыл кадровую программу.

- Почему же? Будет.

- Когда?

- По графику. Через полтора месяца.

- Тогда тётю уже выпишут.

- Вот видите, - сказал Мурат с искренним облегчением, - срочность вопроса исчезнет сама собой.

В эту минуту его компьютер тихо подал сигнал. «Поздравите сотрудника Фаттаху Арслана с днём рождения согласно корпоративному регламенту». И вторая: «Сообщите сотруднику Фаттаху Арслану об увольнении в соответствии приказом по кадрам.»

Мурат посмотрел на экран.

- А, вот, этого нельзя откладывать.

После Мехмета к Мурату вошёл именинник Фаттах, но вышел не радостным, а совсем бледным, с опущенными плечами и взглядом. Мехмет знал, что клиенты начали привыкать к тому, что операторы всё равно ничего не решают сверх того, что ответили роботы, и всё реже дожидались разговора с оператором. Операторов стали постепенно сокращать.

Вечером, когда Мехмет был уже дома, позвонила тётя Фатма.

- Здравствуй, Мехмет.

- Здравствуй.
 - Ты завтра приедешь?
 - Не получается.
 - Что-нибудь случилось?
 - Нет... Отпуск не согласовали.
- На том конце немного помолчали.
- Что, работы много?
 - Не из-за этого. Основания нет.
 - Какие основания?
 - По положению двоюродная тётя не относится к близким родственникам.
- Фатъма тихо засмеялась.
- Странно. А я всю жизнь думала, что ты мне почти сын.
- Мехмет машинально ответил:
- Да, конечно, да.
- И сразу замолчал. Тётя тоже ничего не сказала. Потом спросила: «А по-человечески?»
- Он хотел ответить сразу. Но вместо этого сказал:
- Сейчас посмотрю...

И только после этих слов понял, что уже ищет глазами телефон, который был у уха, словно ответ мог оказаться там. Тётя снова тихонько засмеялась.

- Не ищи. Я пошутила. Врачи говорят, скоро выпишут. До деревни сосед обещал довезти. Ты не переживай.

Разговор закончился. Мехмет ещё несколько секунд держал телефон в руке. Потом открыл календарь. Дни отпуска по-прежнему стояли на июль. Он посмотрел на них, удовлетворённо кивнул и вдруг остановился. Кивнул он себе... или графику сам не понял.

24 мая. Прости, Господи, четыре.

Домашний робот раздвинул светонепроницаемые шторы ровно в семь. Не раньше и не позже. Леонид открыл глаза ещё за несколько секунд до сигнала, так по привычке происходило уже давно. Робот негромко пожелал доброго утра и сообщил, что сон признан полноценным, организм восстановился на девяносто семь процентов, а завтрак готов.

На кухне уже стояла тарелка с овощным омлетом, цельнозерновой хлеб и чашка цикория. Настоящий кофе Господин Олонтир не разрешал Леониду уже второй месяц. Робот вежливо сообщил, что сегодняшнее меню оптимально соответствует состоянию его организма.

Леонид молча кивнул. Когда робот отвернулся к мойке, он открыл неприметный шкафчик, достал маленький пакет, спрятанный за вентиляционной решёткой, отломил кусочек тёмного копчёного сыра и быстро положил его на хлеб. Робот этого не видел. Во всяком случае, никогда не говорил, что видел.

Во время завтрака коммуникатор закончил ночную синхронизацию. Как всегда, первым пришло приветствие Господина Олонтира, погода, состояние городского воздуха, рекомендуемая продолжительность пешей прогулки, рабочее расписание, разрешённые к просмотру фильмы, музыкальные подборки, индивидуальная вечерняя нагрузка, рекомендуемое время отхода ко сну. Всё было привычно. Последнее сообщение оказалось необычным: «Вчера в 18:42 поступило обращение от Фотины Христулу.» Сообщение было отложено как эмоционально значимое. Рекомендуется ознакомиться утром.

Леонид открыл его: «Леонид... Если сможешь, приезжай, если разрешит господин Олонтир. Врачи говорят, что ничего страшного, но одной мне уже тяжело. Очень хочется увидеться. Тетя Фотины.»

Под письмом уже находилось решение Господина Олонтира: «Для данного обращения доступны три варианта.

1. Не отвечать.
2. Ответить отказом от поездки.
3. Подать запрос на разрешение поездки.

Окончательный выбор необходимо подтвердить до 21:00 сегодняшнего дня.»

Других вариантов не было.

Леонид дочитал сообщение, положил коммуникатор рядом с тарелкой и доел хлеб с копчёным сыром, стараясь оставить его на языке подольше. Через несколько минут транспортная капсула уже несла его к заводу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.